

НАДЕЖДА САЛТАНОВА

яд ИМПЕРИИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
С16

Редактор серии *Л. Латышова*

Художественный редактор *Д. Васильченко*

Салтанова, Надежда.

С16 Яд Империи / Надежда Салтанова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-246860-5

На пороге своей аптеки Нина Кориари обнаруживает смертельно раненного мужчину. Об этом ли она мечтала, едва сумев восстановить свою репутацию после недавней истории с отравленным мальчиком? В предсмертном бреде незнакомец рассказал о кольце, но никаких украшений при нем не обнаружилось. Похоже, аптекарша снова оказалась втянута в опасную интригу — смертельная охота за реликвией началась...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Салтанова Н., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-246860-5

Глава 1

*Вех ядовитый растет кустами высокими
да широкими. Стебель прямой, жесткий,
а внутри пустой. Листочки тонкие, острые,
на перышки похожи. Цветы белые, мелкие,
собраны в одну плоскую шапку, размером чуть
меньше ладони. Разветвляется сильно.*

*Самая ядовитая часть — корень да его
смола. Корень крепкий, с кулак шириной,
а ежели разрезать, то с разделениями, где
смола собирается.*

*При отравлении начинает сперва голова
болеть, затем корчи начинаются, рвота, пена
на губах. Помочь можно солью с золой, но только
если дать сразу и если невелико количество
яда съедено.*

Из аптекарских записей Нины Кориари

Зарождающееся утро нарушил резкий крик чайки. Среди больших валунов, подходящих к городской стене Константинополя, на сырой от росы гальке белела маленькая скрюченная фигурка.

Утро у Нины началось рано. Проснулась она еще до рассвета, пыталась уснуть опять, да не шел сон. Промаявшись так до первых лучей, поднялась, наскоро помолилась. Вышла во внутренний дворик, где под навесом были расставлены узкие столы для сушки кореньев, сверху натянуты веревки для трав. Надо раскладывать все опять — на ночь она прятала растения в дом от ночной росы.

Нина достала скатанные рулоны холста, расправила на столах, проверила, сколько надо еще сушить лавровый лист и золототысячник, разложила аккуратно. Вдохнула горьковатый запах, пробежалась пальцами по сморщенным желтым цветочкам и вошла обратно в дом, на ходу подбирая свои непослушные кудри и завязывая в платок.

Выпив яблочного настоя с чабрецом и перекусив парой запеченных с вечера яиц, аптекарша принялась за работу. Солнечные лучи уже заглядывали в окошко, переливаясь радугой на склянках и венецианских флаконах, когда раздался шум, быстрые шаги, стук в дверь.

— Случилось что? — всполошилась Нина, по привычке хватая холщовую суму со снадобьями да набрасывая на голову мафóрий¹, без

¹ Ма ф о р и й — покрывало в виде платка, брошенного на голову и плечи.

которого порядочной женщине на улице показаться нельзя. Распахнула дверь, заслонила ладонью глаза от солнца. Перед ней стоял запыхавшийся молодой стратиот¹ из городской охраны. Видать, всю дорогу от стены бежал.

— Нина-аптекарьша ты? — спросил.

Вглядевшись внимательнее, Нина отметила потерянное выражение лица, и в груди у нее похолодело от неприятного предчувствия.

— Что случилось-то? — наскоро запирая аптеку, спросила она.

— Там... мальчик. У стены. Мертвый.

Нина, охнув, на мгновение замерла, повернулась к принесшему страшную весть. Прижала ладонь к губам.

— Мальчик?! — прошептала она.

Молодой воин только грустно развел руками и отвел глаза, губы его дрогнули. Перекрестившись, Нина севшим голосом выдохнула:

— Веди. Да рассказывай подробнее.

— Мальчик, худой, лет десяти. Синий весь какой-то. Вызвали сикофанта². Он сказал, врачеватель тут не поможет. Пусть позовут аптекаря. Декарх³ велел мне тебя привести. Сказал, ты разберешься. — Стратиот говорил отрывисто, все еще пытаясь отдышаться.

¹ Стратиот — воин, солдат.

² Сикофант — доносчик, *здесь*: дознаватель, сыщик.

³ Декарх — офицер, десятник.

— Мальчик-то чей? — Ком в горле мешал говорить. Слова с трудом проталкивались через подрагивающие губы.

— Да вроде подмастерье из кузницы. Руки у него в ожогах, фартук кожаный. Видать, послали заказ отнести, а он вот...

— Что сикофант говорит?

— Да ничего такого, что при почтенной женщине повторить можно. Поминает всех: и стражу, и аптекарей, и кузнецов... А мы-то чем виноваты? Ночью штормило, ничего не слышно было. А утром... вот...

Солнце уже пекло немилосердно. Нина со спутником старались держаться в тени, под портиками домов, что в районе гавани встречались все реже.

Нина запыхалась, вытирала лоб покрывалом. Жаркая весна в этом году выдалась. Сквозь домашние сόкки¹ Нина чувствовала подошвами нагретые камни улицы.

У стены собралась уже небольшая толпа, говорили вполголоса, кто-то всхлипывал. От городского рва доносилась вонь нечистот. С берега пахло рыбой, гниющими водорослями, оставшимися после зимних штормов. Ноги вязли во влажном песке. Нина и ее спутник подошли к столпившимся. Люди, тихо пере-

¹ С о к к и — кожаная мягкая обувь, закрывающая всю стопу.

говариваясь и поглядывая на Нину, расступились перед стратиотом. Он подошел к грузному мужчине с восковой табличкой в руках, склонился:

— Почтенный Никон, я привел аптекаря.

Нина тоже сдержанно поклонилась и произнесла негромко:

— Господь в помощь.

Сикофант повернул к ней бледное лицо с сероватой кожей и набрякшими веками, поморщился:

— Хорошо бы... ты, что ль, аптекарша?

Нина кивнула.

Сикофант молча на нее смотрел. Под неприязненным его взглядом Нина нервно заправила локон, выбившийся из-под мафория. Красавицей себя назвать она никак не могла. Худа, чернява, одно богатство и было — волосы, да и те прятала. Хоть и говорила ей подруга, что она ликом на мраморные статуи похожа, Нина знала, что непривлекательна. А потому с людьми держалась строго и скромно, но без подобострастия.

Сикофант нахмурился, видать, не по нраву ему пришлось аптекарша. Нина отметила для себя его покрасневшие глаза, напряженное выражение лица, неприятный запах изо рта, когда он раздраженно выдохнул. Видать, и позавтракать не успел, а тут еще и мальчика убили — не с чего ему в такое утро аптекаршу привечать.

Нина торопливо наклонилась над худеньким тельцем, скрюченным, со сведенными судорогой пальцами рук и ног. Лицо было прикрыто тряпицей.

Отведя грязную ткань в сторону, она неслышно ахнула и, опустившись на колени, зашептала молитву. Пока шептала, да осматривала, да приноживалась, вплетала слова «лицо синюшное», «пятна на шее», «на губах кровь», «худенький-то какой, Господи, упокой душу его», «мучился, бедный». Быстро глянула на камни, островками подступающие к городской стене.

Поднявшись с колен и вытерев украдкой слезы, обратилась к сикофанту:

— Я тут помочь не могу, почтенный. Отравили ребенка, нехристи, чтоб им такой же смертью умереть.

— Уж без тебя догадался, что отравили. Чем, рассказывай? Да где этот яд купить можно? — Он не отводил глаз от аптекарши.

Понятно, к чему разговор, только Нине скрывать нечего.

— У меня такого яда не покупали, — отрезала она. — Кто еще его продает — не знаю, может, и гости заморские привезли. Местные-то законы ведают, нет таких смелых среди аптекарей, чтоб поперек указов идти.

— Да вам, торгашам, законы что птичий свист, лишь бы загребать поболее. Да и откуда

ты, женщина, законы знаешь? Вот, первая прибежала — видать, хвост горит.

— Да ты же сам за мной послал!

— Я за тобой не посылал, я велел привести аптекаря. А ты кто? Глупая баба, одни притирания да помады на уме. Слыхал я про тебя. Сама небось продала яд кому да и забыла. Так ведь?! — Последнюю фразу он почти выкрикнул, подавшись к Нине.

Та отшатнулась:

— Господь с тобой, меня позвали, что ж я, отказываться буду. А позвали меня потому, что аптека моя ближайшая к гавани. Да декáрх Леóнтий меня знает хорошо...

— Ох, молчи лучше, — рявкнул Никон. — От вас, женщин, один шум и беспокойство. Доложу эпа́рху¹, что ты под подозрением большим. Пусть твою аптеку прикроет — меньше хлопот всем будет.

— Да за что же, уважаемый?! — Нина тоже перешла было на крик. Но под злобным взглядом сикофанта поутихла. Ведь и правда закроют да в казну заберут — виданное ли дело, чтобы женщина одна торговлю вела.

Нина запаниковала:

— Дай я хоть сама поговорю с аптекарями да врачевателями, узнаю, может, кто спрашивал или покупал...

¹ Э па р х — градоначальник Константинополя.

— Ты-то что узнаешь? — нахмурился сикофант. — Бабы сплетни одни, так они тут без надобности. Иди уже, я с эпархом говорить буду.

— Ой, и где тот эпарх?! — повысила было голос Нина, но, спохватившись, перешла опять на почтительное обращение. — Почивает небось, может, только завтракать собрался. И тебя, уважаемый, дальше порога не пустят. Да отговорятся, чтобы не ходил лишний раз, из-за нищего подмастерья почтенных людей не беспокоил, — указала рукой в сторону трупя мальчишки.

Сикофант царапал что-то на табличке, бормотал небогоугодное себе под нос. Шум прибоя и резкие крики чаек заглушали его слова. Наконец он убрал табличку в суму на поясе, поскреб подстриженную бороду.

Нина смиренно наклонила голову, шагнула чуть ближе.

— Дай мне хоть немного времени — за что ж на меня поклеп возводить зря? Я что выясню, все тебе и доложу. Тебе опять же меньше хлопот. Там, где служивого на порог не пустят, я в боковую калитку зайду. Глядишь, и тебе подмогну, и себя оберегу от наветов пустых. — Нина говорила торопливо, заглядывая сикофанту в лицо.

Тот молчал.

— У мальчика ведь, наверное, мать есть? Я с ней поговорю, посочувствую, может, она что про душегуба скажет. И с кузнецом. Дай

хоть пару деньков, о чем разузнаю, тебе сразу пошлю весточку.

Сикофант махнул солдатам рукой, чтобы унесли тело. Чуть повернув голову в сторону Нины, процедил тихо:

— После зайду, поговорим. А если что важное узнаешь, найди меня сама. Никоном Хаке-ниосом меня зовут.

Аптекарьша кивнула, повернулась и быстро пошла обратно, склонив голову и сердито шепча что-то.

* * *

Нина металась по аптеке. Утреннее происшествие никак не шло из головы, и все валилось из рук. Подмастерья уже наградила оплеухой, когда подсунулся не вовремя.

Чтобы вернуть себе душевный покой, села за работу. Обычно ее успокаивало мерное движение пестика при растирании семян лаванды с распаренными овсяными зернами. И нежный запах, поднимающийся от ступки, настраивал на спокойный и благостный лад, уходили тревоги. Так и в этот раз, пока готовила снадобье, пока смешивала с виноградным маслом, успокоилась немного. Переложила смесь в глиняный горшочек, отставила в сторону, накрыла промасленной тряпицей.

С мелкими заказами Нина справилась, послала подмастерья разнести их. Закрыв аптеку,

она пошла вверх по Мезе́¹ к пекарне, где хозяйничала статная смешливая Гликéрия, давняя ее подруга. На скамеечке у входа увидела сгорбленную фигуру. То был отец Гликерии, старый Феодóр. Сколько лет ему было, никто и не помнил. Двух жен он пережил. Дочери от первой жены уже своих детей растят, живут далеко.

Вторая жена Феодора была сильно моложе его. Родила сперва Гликерию, а позже вторыми родами умерла, успев еще дать жизнь сыну. Тот тоже на этом свете надолго не задержался, утонул, будучи еще мальцом. Каждая семья в большом городе родных и любимых теряла, не обошла судьба и Феодора.

Пекарня его была известна в Константинополе. Горожане приходили к Феодору за пышными лепешками, за нежными милопита́кья², за тающими во рту лукума́десами³, а уж за рогаликами из многослойного теста присылали даже из самых богатых домов. Здесь выпекали ароматный хлеб силигнитис — из лучшей муки, для богачей, а для горожан победнее — сеидалитис, что из муки попроще.

Феодор со временем передал все дела младшей дочери, только с гильдией и эпархом сам договаривался. Красавица Гликерия в поло-

¹ Меза — главная улица Константинополя.

² Постные яблочные пирожки.

³ Круглые сладкие пончики.

женные пятнадцать лет замуж вышла за хорошего человека, хоть и приезжего. Дела они вели дружно да умело. И с купцами договориться выгодно могли, и таверну при пекарне завели небольшую, где можно было свежим хлебом перекусить и недорогим вином запить. Все у них ладилось, но и в этот дом беда наведалась. Как-то в праздник возвращался муж с ипподрома, а подвыпившие патрикии¹ на колеснице решили по Мезе прокатиться. И лошадьми многих прохожих потоптали. Погиб и он под колесами пьяных богачей. Прётор² тех патрикиев из города изгнал, но сперва заставил выплатить семьям убитых по десять золотых солидов³, да разве деньгами кого воскресишь. Так и осталась Гликерия одна с батюшкой.

Отца своего Гликерия обожала, заботилась, как о маленьком ребенке. Он тоже в дочери души не чаял. Соседи его уважали, увидев старика, кланялись, подходили за советом, присаживались рядом, разговоры вели. Нина тоже любила с ним беседовать, опять же, совет выслушать, просто на судьбу пожаловаться, а то иногда и помолчать, душой отдыхая.

¹ Патрикий — высокий византийский титул, который жаловался императором и не передавался по наследству.

² Прётор — судья.

³ С о л и д (номисма) — золотая монета Византии, ок. 4,55 г золота.

И в этот раз, увидев его на улице под портиком, обрадовалась. Нащупала в суме припасенную мазь для суставов, что беспокоили старика, особенно по весне. Подойдя, поклонилась, спросила разрешения присесть. Тот, оторвав глаза от деревянной чаши, по краю которой вырезал узор, ласково улыбнулся, по-стариковски щурясь:

— Садись, Нина, рассказывай. Что случилось, зачем к стене бегала поутру.

Нина только головой покачала, не особо удивляясь. Старец знал все, что происходило в городе. Какие птицы ему вести приносили, как он про все важное узнавал — непонятно. Но люди говорили, Феодор все знает, а что не знает, то и не важно или знать не положено. Разговаривал Феодор со всеми, да со всеми по-разному. С одними ласково, с другими строго, с кем-то жалостливо, как чувствовал, что каждому надо от него услышать. И всем помогал. То матери, заполошно бегавшей по улицам в поисках сынишки-оболтуса, посоветует, чтоб искала через две улицы у торговца сладостями. То девушку, которую обидел жених, успокоит, мол, завтра все уладится. То купцу, что не знает, можно ли доверить часть товара партнеру, шепнет, как быть. И находился сорванец, и приходил на следующий день раскаявшийся жених, а купец присылал Феодору кувшин вина в подарок, за то, что уберег от убытку.

Вот и сейчас Нина рассказать толком не успела, а он неспешно спросил:

— Думаешь, убили его? Не могло быть, что сам что-то съел?

— Пятна у него на шее, как будто кто держал насильно. Не ведаю, что съел, но на воротах и у рта у него крошки сахарные. Пахнет медом и корицей. Только если бы сам что съел, так был бы хоть на людях, все бы знали, опять же за мной послали бы или к Гидисмани хоть. А тут под стеной... кому же в голову придет туда идти, если солнце уже село. А подальше следы обуви на песке между камнями... Как будто кто-то смотрел, как он умирает. Это ж кем надо быть, а?

— Плохое это дело. Мальца отравить может только тот, чья душа уже пропала. А следы — так народ прибежал?

— Народ-то со стороны ворот стоял, а следы поодаль и ближе к стене.

Феодор покачал головой.

— Что же делать, почтенный Феодор? Сикофант на нас, аптекарей, наперво и думает, мы-то с ядами постоянно дело имеем. А мою аптеку и вовсе закрыть пригрозил. И сказал, что бабьи сплетни ему без надобности.

— Это он зря так тебе сказал. Ну, у него забот много, у самого двое детишек, так расстроился, поди. Ты вот подумай, зачем дите убили? — Феодор из-под морщинистой руки посмотрел в небо.

Нина лишь вздохнула.

— Тяжело тебе будет, Нина. Самой придется искать потравителя.

— Да куда ж мне, почтенный Феодор? Не умею я душегубов искать, на то сикофанты есть. Я к тебе за советом пришла, что делать, ума не приложу, — вздохнула Нина.

— Давай-ка я расскажу тебе про мудреца и рыбака, — помолчав, начал старик.

Нина обхватила себя руками за плечи, приготовилась слушать.

— В далекой феме¹ жил мудрец, к которому приходили на обучение и юноши, и зрелые мужи. Однажды пригласили его в школу, чтобы поделился он своей мудростью с учениками. Добираться пришлось через реку, и мудрец заплатил бедному рыбаку, чтобы тот перевез его на утлой лодочке. Когда отплыли от берега, рыбак спросил, куда мудрец направляется. Тот важно ответил, что едет в школу, чтобы учить других. «Никогда у меня не было времени учиться в школе», — сказал рыбак. «Ты потерял полжизни!» — ответил мудрец. «А умеешь ли ты плавать?» — спросил его рыбак. «На это у меня не было времени», — ответил мудрец. «Тогда ты потерял жизнь, потому что моя лодка тонет!» — сказал рыбак.

¹ Фе ма — военно-административный округ Византийской империи.

— К чему твоя притча, что-то я не пойму, — озадаченно произнесла Нина.

— А к тому: ежели что не умеешь, так учиться надобно. Человек — такое создание божье, что все время чему-нибудь да учится. Где-то с возрастом мудрость приходит, где-то у других подсмотришь, где-то сама споткнешься да поднимешься. Для этого ни школы, ни книги не нужны. Ты себя слушай, сердце подскажет, что делать. И от ядов что поищи, пригодится. Что ко мне пришла — хорошо, но ищи и другой помощи. И я спрашиваю, подумаю.

Гликерия уже несколько раз выглядывала из окна, но помешать боялась, делала Нине знак глазами, чтоб заходила свежей выпечки отведать.

Нина поблагодарила Феодора за науку, оставила ему мазь, зашла в пекарню.

Подруга обслуживала покупателя с крупным заказом, а потому кивнула на скамью, чтобы Нина присела. Ожидая, аптекарша смотрела на хлеба в корзинках, на разложенные на прилавке сладости и сдобу. Обычно пьянящий запах свежей выпечки будоражил аппетит, руки сами тянулись к пышным лепешкам и медовым лукумадесам. Сегодня же Нину не радовал ни запах, ни вид сладостей.

Распроставшись с покупателем, Гликерия наконец присела рядом с Ниной. В руках у нее была плоская миска с парой лукумадесов — знала, чем подругу побаловать.

Нина устало улыбнулась и отрицательно покачала головой:

— Спасибо, Гликерия. Ты уж прости, но после сегодняшних событий что-то кусок в горло не идет.

— Что случилось? Говорят, убили кого-то. Тебя-то звали зачем?

— Убили. Сикофант за аптекарем послал, вот меня и позвали. Отравили отрока.

На этих словах впечатлительная хозяйка пекарни схватилась за сердце, застыв на мгновение. Слезы покатались из глаз.

— Ой, горе-то. И за что ж мальцу-то такая смерть? Мать небось убивается.

Гликерия утирала слезы, причитая. Потом посмотрела повнимательнее на подругу.

— И как ты, Нина, вот это все так спокойно переносишь? Ты ведь тоже женщина, а не горюешь, не плачешь совсем. Неужто не жаль жизнь загубленную? — Голос ее сорвался, она прикрыла рот краем платка.

— Конечно, жаль. И отрока жаль, и мать его. Но ты же знаешь, сколько лет у нас аптека. Знаешь, сколько смертей я видела? И младенцев, коих спасти не смогли, и детей постарше, коих лихорадка унесла, и матерей, умерших от родильной горячки, и сильных мужчин, что умирали от пустячной раны, потому как слишком поздно к врачевателям пришли. И каждая смерть — еще и чье-то горе. Не всех спасти